

УДК 630(09)(470.1/2)

Кто осваивал Русский Север? Возражения норвежскому автору¹

© **Фёдоров** Павел Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, проректор по научно-исследовательской работе Мурманского государственного гуманитарного университета. Контактный телефон: +7 (8152) 21 38 39. E-mail: City-Murmansk@yandex.ru.

На основе критического разбора книги Ингве Аструпа «Норвежские лесопромышленники – пионеры освоения русского Беломорья в 1880–1930 годах» в статье анализируются современные тенденции норвежской историографии по поводу освещения вопросов российско-норвежских отношений.

Ключевые слова: *российско-норвежские отношения, историография, Норвегия, Русский Север, русское Беломорье, освоение, лесная промышленность.*

Who cultivated Russian North? Objection to the Norwegian author

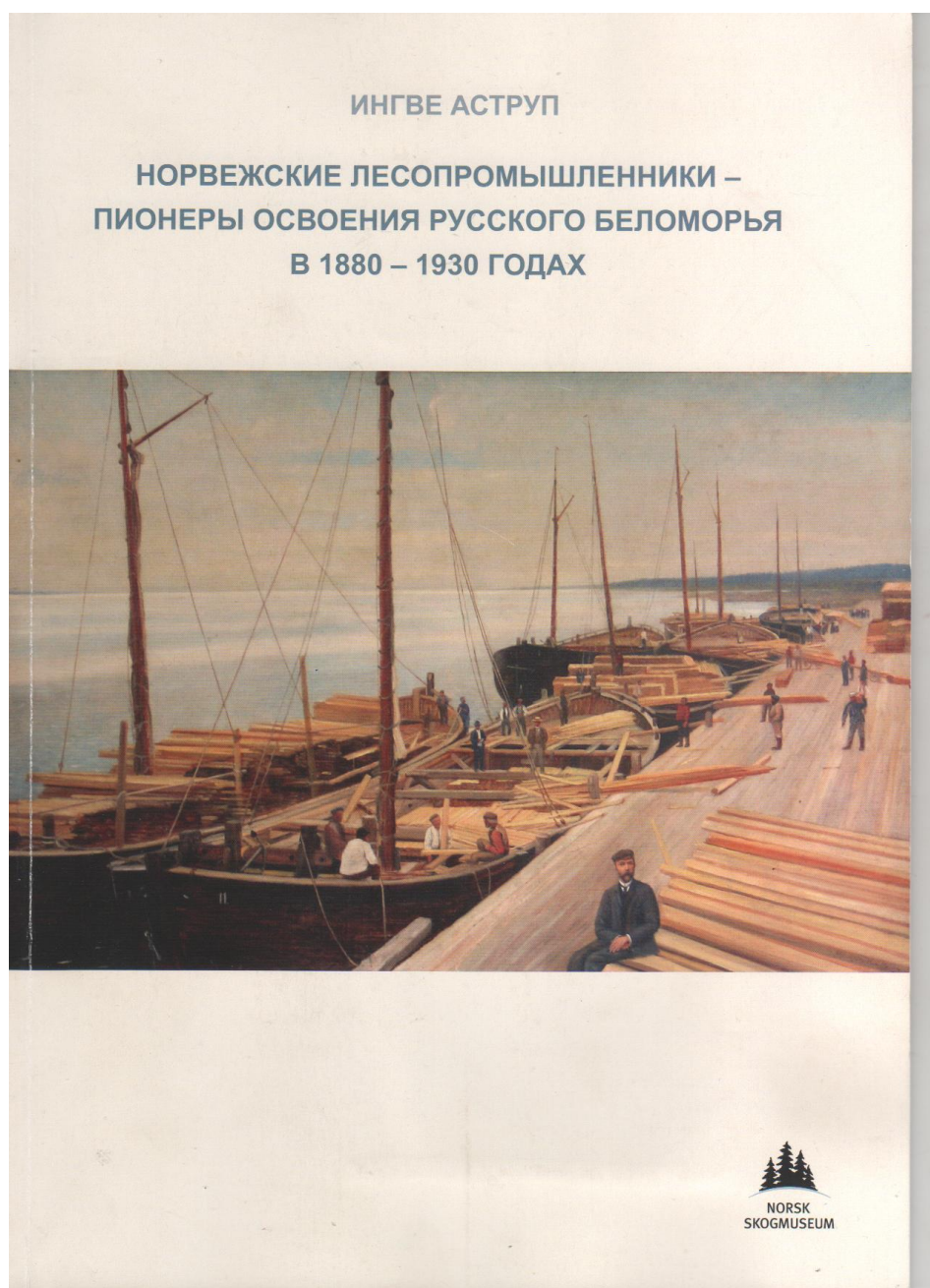
© **Fedorov** Pavel Viktorovich, Doctor of History, Professor of the Department of History, Vice-rector of the scientific research in Murmansk State Humanitarian University. Contact phone: +7 (8152) 21 38 39. E-mail: City-Murmansk@yandex.ru.

Abstract

Based on the critical analysis of the book Ingve Astrup 'Norwegian timber merchants – are the pioneers of the Russian Belomorje in the years of 1880–1930'. In the article analyzes the modern trends of Norwegian historiography about the coverage of the issues of the Russian-Norwegian relations.

Keywords: *Russian-Norwegian relations, historiography, Norway, Russian North, Russian Belomorje, exploration, timber industry.*

¹ Статья написана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12–31–01200).

Книга Ингве Аструпа «Норвежские лесопромышленники – пионеры освоения русского Беломорья в 1880–1930 годах» вышла в Норвегии в 2011 году в качестве сборника № 4 Норвежского музея леса в Эльверуме [1].

Казалось бы, это небольшое красочное издание с непритязательным научно-справочным аппаратом и популярным стилем изложения окажется малоинтересным подготовленному читателю. Ведь при знакомстве с ним появляется ощущение, что имеешь дело с типичным идеологическим продуктом. Само название книги придает ей откровенную сенсационность и определенное значение, если учесть, что она вышла на русском языке и, следовательно, обращена к широкой и неподкованной российской аудитории. Только данное обстоятельство заставило автора этих строк взяться за написание рецензии.

Автор Ингве Аструп по образованию экономист, в прошлом директор Норвежского музея леса Эльверум, а по семейным корням потомок норвежского лесопромышленника Фредерика Прютца, хорошо известного предпринимательской деятельностью в Архангельской губернии начала XX века.

Основу его книги составил исторический обзор, посвященный роли норвежского капитала в развитии лесного производства на Русском Севере. Из него следует, что в XIX веке «Норвегия стала лидирующим экспортером лесоматериалов в Европу», создав собственные лесопильные предприятия в Швеции и Финляндии. А на рубеже XIX–XX веков норвежцы «стали активно работать в России», в районе Белого моря. Далее автор показывает деятельность целого ряда норвежских компаний (и в их числе своего деда Ф. Прютца). Рассуждает о невзгодах русской революции, которая поставила норвежских заводчиков на грань краха. Описывает период возрождения предпринимательской деятельности во время НЭПа и ее свертывание к концу 1920-х годов.

Как отмечает И. Аструп, дальнейшая судьба Ф. Прютца оказалась связана с политикой. Он стал активным участником создания фашистской партии «Национальное единение» в Норвегии в 1933 году, поскольку, по словам автора книги, был обеспокоен коммунистической угрозой и считал, что «Норвегия должна добиться экономического и политического влияния на северо-западную часть России». И. Аструп не стесняется писать о том, что еще осенью 1918 года его дед желал «немецкой оккупации русских северных территорий». С 1942 года и вплоть до своей смерти в феврале 1945 года Ф. Прютц служил министром финансов в марионеточном правительстве Квислинга, созданном в поддержку оккупационному режиму Гитлера. Всего несколько месяцев он не дождался краха третьего Рейха и казни Квислинга.

Собственно, такова фактическая канва книги. Если говорить о подтекстах содержания, то они в основном вписываются в рамки авторского сожаления о развале «громадных проектов на востоке», уходе норвежских лесопромышленников из России.

Понять чувства потомка норвежского лесного магната, наверное, можно. Но как содержание раскрывает название книги? Главное противоречие заключается в том, что «пионерами» освоения **русского** Беломорья автор объявляет иностранцев. Этот конфуз даже способен пробудить полусерьезные сравнения норвежцев с испанцами, проникшими в дебри диких аборигенов. Хронологические рамки, включенные в название книги, правда, объясняют, что автор понимает под «освоением» сравнительно небольшой исторический период, с 1880-х до 1930-х годов, когда само Беломорье и обширная территория от Мурманска и до

Печоры в действительности были уже неплохо заселены и обжиты российским населением. В историю Русского Севера к тому времени уже вошли славные страницы, связанные с возведением средневековых городов и крепостей, зарождением военного судостроения.

Впрочем, в содержании книги автор пытается прояснить свою позицию, отмечая, что «когда в XVI веке Швеция и Норвегия уже имели в своем распоряжении водяные вертикальные пилы, обтесывание балок и досок в Архангельске производилось топором и ручной пилой», но только «мельница и вертикальная пила... явились предтечами промышленной революции». Видимо, с приходом «паровых лесопильных заводов» И. Аструп и начинает для себя «эпоху освоения», переоценивая тем самым роль Норвегии в истории Русского Севера.

Подмена понятий здесь видна невооруженным глазом. Даже если считать норвежцев причастными к появлению лесопильного промышленного производства на Русском Севере, никак нельзя их возводить в ранг «пионеров освоения». Во-первых, потому, что, как признает сам автор (и в этом еще одно противоречие), из 40 лесозаводов, работавших в Архангельской губернии в 1913 году, только 20 принадлежали иностранцам, среди которых были предприниматели не только из Норвегии, но и из Англии, Германии, Франции, Нидерландов, Швеции, стран Балтии. Половина всех заводов – это были российские предприятия. А во-вторых, понятие «освоение» (не переводимое, кстати, буквально ни на один из европейских языков) означает гораздо более сложное и многогранное явление, чем создание промышленного производства.

«Освоение» территории – длительный, многовековой процесс сближения живущего социума с природным ландшафтом, в результате которого ландшафт «присваивается», делается «своим». В этом главное отличие понятия «освоение» от «колонизации», предполагающей первичные процедуры заселения чужеродного пространства. В советской историографии, правда, нередко использовалось понятие «освоение природных богатств», под которым подразумевалось обретение человеком способности управления природными ресурсами, но это определение уже подзабыто, в таком контексте не стал его использовать и автор рецензируемой книги.

Если пользоваться логикой И. Аструпа, то «пионерами освоения» Северной Норвегии мы вправе назвать русских поморов, торговая деятельность которых в XVIII–XIX веках признается среди самих норвежцев, по словам историка Эйнара Ниemi, «решающим фактором в создании жизненных условий и возможностей вдоль значительных участков северо-норвежского побережья» [3, с. 15]. Но стоит ли уподобляться примеру рецензируемой книги? Участие норвежцев в создании лесопромышленного производства на Русском Севере в

действительности выглядит не началом процесса освоения, а сравнительно небольшим и, с учетом известного результата, все-таки изолированным эпизодом в тысячелетней истории российского освоения Беломорья.

Если бы автор книги стремился к объективности, то он мог бы рассказать о тех проблемах, которые возникали между владельцами норвежских лесопромышленных предприятий и российскими рабочими и вынудили заводчиков в конце концов уехать из России. Разве о причастности норвежцев к процессу освоения русского Беломорья говорит петиция собрания рабочих, направленная администрации завода Прютц 25 сентября 1917 года? В ней сообщалось: «Мы, рабочие, очень возмущены вызывающими действиями предпринимателей, и если еще они не пойдут навстречу нашим законным требованиям, то все как один восстанем вооруженным восстанием и берем это революционным порядком вплоть до организации производства» [2, с. 81].

Но вместо добросовестного поиска истины И. Аструп активно манипулирует доверием читателя. Так, под старинной фотографией Архангельска на 24-й странице книги дана авторская приписка: «Город являлся административным центром одноименной губернии, в котором проживало много иностранцев: выходцы из Скандинавии, Великобритании, но большинство из них были балтийскими немцами». Данный комментарий явно составлен с расчетом на неподготовленного читателя, который может и не знать, что 94,6 % жителей Архангельска по переписи 1897 года считало своим родным языком русский [4, с. 104–111].

Очевидные дефекты данной книги наводят на общие размышления о российско-норвежском взаимодействии в сфере исторических наук. Вспоминается 1992 год, когда вышел очередной номер норвежского журнала «Оттар», посвященный партнерским отношениям России и Норвегии. Это издание не оставляло сомнения о научном приоритете творчества норвежских исследователей, изучающих Россию. Но те времена канули в Лету.

На фоне борьбы, которая развернулась в мировом сообществе за Арктику, заметно появление новых тенденций в норвежской историографии и диалоге норвежских исследователей с российскими коллегами. На смену идеям северной («Баренцевой») идентичности 1990-х годов сегодня стало проступать противоположное стремление к поиску асимметрии и подчеркиванию особого статуса Норвегии в полярных широтах.

Хотелось бы верить, что данные тенденции в науке носят временный характер. Традиции добрососедства и взаимоуважения рано или поздно должны возобладать в общем стремлении найти историческую правду.

Литература

1. Аструп И. Норвежские лесопромышленники – пионеры освоения русского Беломорья в 1880–1930 годах / Норвежский музей леса. Сборник № 4. Пер. с норв. Т. Лиллеберг. Эльверум, 2011. 62 с.
2. Мымрин Г. Архангельский Совет в 1917–18 гг. // Большевистская мысль. 1939. № 21–22.
3. Ниemi Э. Поморская торговля глазами норвежцев // Оттар. 1992. № 192.
4. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. I. Архангельская губ. СПб., 1899. Тетр. 2.